

*dream
love
believe*

Мария
Суворовская

От автора
«Качели
над
Каспием»

ДОМ

у виноградаря

18+

Мария Суворовская
Дом у виноградника

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Суворовская М. С.

Дом у виноградника / М. С. Суворовская — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

Настоящая любовь, как и вино, должна родиться вовремя, в хороший год. К любви нужно быть готовым, созреть как виноградный сорт, чтобы чувства, как превосходное вино, восхищали и жили долгим и приятным послевкусием. Зачастую путь к долгожданному счастью лежит через испытания, боль. Но эти тернии укрепляют характер, что важно для формирования многогранной и гармоничной личности, способной оценить вторую половину, повстречавшуюся на жизненном пути. Это книга о том, что никогда не поздно начать всё заново. Для этого надо сделать глубокий вдох или глоток вина и открыться своему сердцу.

Содержание

Матраса	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Мерло

«Хорошее вино – как хороший фильм: быстро заканчивается, оставляя великолепное послевкусие; с каждым глотком в нём открывается что-то новое, и как это часто бывает с фильмами – оно рождается и возрождается в каждом новом ценителе»

Федерико Феллини

Почему нельзя жить, будто ты выпил бокал вина? Нет, никакой торжественности. Просто бокал красного сухого вина. С ароматом ежевики, малины, а может, черешни. Или с привкусом инжира, чёрного перца, горького шоколада. Катя встряхнула бокал, посмотрела на глубокий винный цвет и ощутила тяжёлую, пронизывающую грусть. За последний месяц не было выходных, ни одной минуты для вдоха и выдоха, полная безысходность. Ей казалось, что этот сумасшедший бег ведёт в никуда, никогда не будет финиша или даже остановки. Усталость опустилась тяжестью в конечности, отпечаталась на лице и грозила серьёзными недугами. Сегодня в шесть вечера Катерина закрыла ноутбук, взяла вещи и молча покинула офис. Решив никому ничего не говорить, не объяснять, а просто двинуться в сторону спокойного вечера, которого так не хватало её организму.

Москва тихо дышала летним вечером. Прогуливающаяся молодёжь весело кокетничала, запивая праздничное июльское настроение кофе и коктейлями. Летние веранды радостно гудели, пахло жареным мясом, цветами и нагретым асфальтом. Город. Катя растворилась в нём, потеряв в многочисленных людских потоках собственную подавленность. Позвонила Вика. Предложила посидеть в их любимом «Карлсоне».

– Посмотри, на кого ты похожа, – бесцеремонно начала Виктория.

– На кого? – обречённо спросила Катя.

– На усталого и убогого осла, который тащит груз больше своего веса. У тебя на лице так чётко проявились мимические морщины, что даже опытный косметолог с ними не справится.

– Когда Русик уехал в Лондон, я решила, что надо заполнить работой всё время в сутках. Кроме сна, разумеется. Но порою и вместо него я тоже работаю. Когда не спится.

– Рустам вырос. Он уже взрослый мужчина. Хватит скучать. Пора начать свою, свободную и независимую жизнь. Как там... Про то, что в сорок всё только начинается.

Кате было уже не сорок. А сорок с приличным хвостиком. И последние двадцать лет она действительно жила ради сына. Рустам вырос красавцем. Получает высшее образование в Англии. Смесь кровей, темперамент, голубые глаза. Мамина гордость. Такой, каким она мечтала его видеть, когда её драгоценный Русик был маленьким. Трудное её счастье, но такое дорогое. Дитя любви, нескольких жарких ночей. Привезённый каспийским подарком на стыке двух тысячелетий. Он всегда был и останется главным мужчиной в её жизни. Катя сделала выбор. Может быть, это мешало основательному приходу в её жизнь настоящих долгих отношений, созданию традиционного брака. Почему нельзя жить, будто ты выпил бокал вина? Вопрос – однозначно риторический. Катя смотрела в бокал мерло, словно ища в нём ответ. Перегрузка. Ей давно надо было нажать кнопку на собственном сознании, подержать секунд десять и включить снова. Эти судьбоносные десять секунд могли всё ещё раньше изменить. Рустам, возможно, принял бы какого-нибудь замечательного отца, и Катя со временем бы его полюбила. Начала бы с физики, добралась до химии.

Катя смотрела на Виду и думала о том, что время убегает. Оно ускользает от неё, смеётся над ней, махая хвостиком в темноте бесконечности. Рот Вики не закрывался. Наверное, она вещала про любовь к себе, салоны красоты и путешествия, которые так необходимы Катерине, про смену обстановки. Но Катя её не слышала, она смотрела на мир, отключив звук. Звук тикающих часов был единственным, что она слышала. Тик-так. Тик-так. Время уходит.

Какое странное понятие «время». Мы редко его анализируем, будучи уверенными, что завтра наступит новое утро. И только читая вечернюю молитву, начинаешь понимать, что завтрашнее утро – это подарок. Каждое утро – это подарок. Потому что его может не быть. И всё, что мы так упорно откладываем на завтра, послезавтра, на следующее лето, будет не исполнено, не реализовано. Есть только здесь и сейчас. Другого времени нет.

Катя сделала глубокий вдох, задержала дыхание примерно на семь секунд и выдохнула. В это мгновение она заставила себя вспомнить что-то важное, достать из памяти кусочек прошлого, который может её спасти, поднять с этого эмоционального дна. И она увидела море, его нежную пену, свои босые ноги на песке. Катя почувствовала теплоту песка. Она даже пошевелила пальцами в реальности, но, почувствовав тиски тужель, поспешила ускользнуть в собственные мысли. Море двигалось, словно живой организм, пытающийся что-то сказать шумом пены. Катя вспомнила, как умела любить там, на берегу Каспия. Вспомнила невероятные синие глаза того, кто навсегда перешёл в другой мир и чьё время здесь, в этом измерении, исчезло навсегда. Нет, она не сожалеет. Потому что Бог дал им так много. Он даже оставил ей частичку него, этого сильного и волевого мужчины. Она видит его в Рустаме, своём сыне. Видит каждый день. И это самое большое счастье.

Море плескалось, оно дышало. Она чувствовала его. Махачкала, берег, его руки, губы. Господи, почти двадцать лет. Двадцать лет! Время, почему? Почему ты так бежишь? Страшно. Страшно и больно. Двадцать лет она не испытывала эмоцию сильнее той. Тем более так не любила. Любовь к сыну не в счёт. Море... Такое же синее, как его глаза. Эти магические голубые глаза. Сколько они ей снились! Сколько она просыпалась в слезах, понимая, что уже ничего не изменить. В груди кольнуло. Время не властно над любовью. И даже смерть не может её убить. Любовь – космическая единица. Вне времени, вне пространства, вне правил, вне рамок, вне этого меркантильного, сложного и противоречивого мира. Духовная любовь намного ярче физической. Когда сливаются тела, взрывается энергия, часть её уходит из солнечного сплетения. Когда же любишь, не прикасаясь, не целуя, не обнимая, ты хранишь всю энергию внутри, и концентрация её растёт с каждым годом. Никто не вытащил из неё этого. Ни один мужчина. Потому что она не давала. Как Цербер, она охраняла то, что так грело её изнутри. Грело и сжигало. С того света не возвращаются. Иногда заходят. В сны. В мечты. Но обратной дороги, увы, нет.

Море шипело. Тот берег, тот пляж. Сколько ещё проигрывать эти кадры, чтобы забыть? Никогда, никогда он не уйдёт из её головы. Она помнит сон. Хорошо его помнит. Рустаму было уже двенадцать. Она познакомилась на приёме в Посольстве Франции с интересным человеком, владельцем галереи, творческим, тонким. Он красиво ухаживал. Цветы, лучшие панорамные рестораны, выходные в Париже с потрясающей романтической программой. Всё было хорошо. Катя даже поверила, что вот он, переломный момент. И вдруг сон.

Море. Как тогда. Она идёт по берегу. Смотрит вдаль. Вечереет, и быстро темнеет море. Вдруг кто-то обнимает её сзади. Она чувствует знакомый запах, видит сомкнутые на её груди руки. Изгибы пальцев. Точно такие же, как у Русика. Над правым ухом дыхание. Горячее. В этот момент во сне её пронизывает волшебство. Она словно летает. Шум моря, они двигаются в такт. Она чувствует прикосновение губ сначала на виске, потом на шее. Его аура, его энергетика. Как? Как это происходит? Волшебство.

– Привет, – слышит она сквозь поцелуи.

Очень хочется повернуться, увидеть его лицо. Но он крепко её держит. Настолько крепко, что она даже не может пошевелиться. Вечность. В этих объятиях вечность. Губы скользят, согревая её тело.

– Ещё не время, – произносит он.

– Почему? – отвечает Катя.

– Не тот, – два слова, всего два слова из любимых уст обожаемым голосом.

Кто не тот? О чём он? Там, во в сне, она приготовилась задать миллион вопросов. Но объятия ослабели. Руки на груди превратились в песок, рассыпались, пропало дыхание над ухом. Она проснулась. Мокрая подушка. Ощущение страха и экстаза одновременно. Он был рядом. Секунду назад. Значит, он где-то есть. Значит, он её видит. И значит, она не одна. Было три ночи. Она тогда ушла пить кофе на кухню и плакать, глупо плакать до утра. Взрослые девочки тоже плачут. Когда обида за потерю разбивает и не даёт прийти в себя. Это во сне ей хотелось задавать вопросы. Но после кофе всё было понятно. Тонкий любовник – не её судьба. Не веря в мистику, Катя решила, что это игры сознания, такой внутренний анализ ситуации. Что это её решение таким образом вылезло во сне. Отношения, конечно, были завершены. Без жалости. И всё шло своим чередом. Рустам, работа, подруги, встречи, мероприятия. Катя сама не понимала, готова ли она к отношениям. Сможет ли она принять кого-то душой, сердцем, бытом. Всё её пространство принадлежало сыну. И, что самое удивительное, Катя не жалела себя, как другие одинокие женщины, тем более – матери-одиночки. Она жила в гармонии. Любовь к сыну. И мысли о прошлом. Это давало силы двигаться, творить, созидать. Было, значит есть – философия её жизни. В её жизни всегда была, есть и останется та глубокая история.

Вика продолжала говорить. Похоже, что её не останавливало молчание Кати.

– ...понимаешь? – Вика задала вопрос и смахнула прядь с лица.

– Что понимаешь? – сделав глоток вина, переспросила Катя.

– Ты меня вообще слушаешь? Надо улететь. Понимаешь? – Вика не сдавалась.

– Куда? Зачем улететь? – Катерина растерянно смотрела на Вику: – Прости. Наверное, я совсем перегрелась.

– Я уже минут сорок пытаюсь достучаться до тебя. Тебе надо улететь из страны. Перегрузиться. Выспаться. Не знаю... Понять, что жизнь может быть другой. Работа-сын. Сын-работа. Это день сурка. Замкнутый круг. Давно пора его разорвать и впустить в жизнь волну чистого воздуха перемен.

– Перемены – это не всегда хорошо. Меня в принципе всё устраивает. Выспаться надо. Согласна. Но кардинально менять жизнь я не собираюсь, – Катя пыталась успокоить Вику, которая вошла в азарт мгновенно поменять жизнь Катерины.

– Я не могу смотреть на твой потухший взгляд. Ты достойна большего. Мне очень хочется, чтобы кто-то или что-то зажгло тебя заново, – Вика пристально посмотрела на Катю.

– Ты думаешь, это возможно?

– Я думаю, что ты должна попробовать.

Июльский вечер обнимал Москву, стало прохладно. Взяв такси, Катя поехала домой, поблагодарив Вику за поддержку. Щипало горло. Наверное, ледяная вода, выпитая днём, дала о себе знать. Заварив травяной чай, Катя залезла под одеяло. Открыла ноутбук. Зашла в почту. Совсем уйти от работы не получалось. Значок почты манил включить, посмотреть. Уже пять лет Екатерина Ланская руководила информационно-развлекательным телеканалом. Известным, популярным. И почта всегда была переполнена вопросами, договорами, концепциями проектов.

Секретарь Инна прислала новую заявку на программу туристического направления. Показать хотели объекты Азербайджана. О месте возможных съёмок Катя слышала впервые. Исмаиллы.

В этой азербайджанской местности было много того, что стоило посмотреть туристам. Например, небольшой живописный посёлок Лагич – историко-культурный заповедник, включённый в туристический маршрут «Великий шёлковый путь». Село с русским названием Ивановка, в котором не счесть достопримечательностей. Говорят, там селились и объединялись люди разных национальностей. Удивительная природа и уникальный природный ландшафт, свобода, доверие, неповторимый уклад и величие мечетей до сих пор привлекали в него тысячи

туристов. Расположенный на склоне горы Баскал, древнейший населённый пункт Азербайджана. Катя смотрела на фотографии и дивилась его красоте.

Сам Исмаиллы – современный город с развитой инфраструктурой. А в четырёх километрах от деревни Талыстан и в семи от районного центра расположилась крепость Джаваншира. Добраться до неё от деревни можно только пешком или на лошади.

В предгорьях села Ханагах предположительно с шестнадцатого века стояла Девичья башня. Ещё одна достопримечательность – крепость Гырхотаг – возвышалась на правом берегу реки Харам. Катерина заворожённо смотрела на живописную местность крепости: сверкающие кристаллы горных вершин, каньоны, утопающие в зелени, леса, наверное, полные обитателей. Катерина словно прикасалась к абсолютно другой жизни.

Оборонительные сооружения местности Галаджика впечатляли своим размахом. Крепость Гасымхана монументально стояла на берегу реки – редкое свидетельство военных дел и архитектуры прошлого. Восхитительное озеро – Ашигбайрамлинское водохранилище, – грандиозный водоём площадью в восемьдесят гектаров.

Посмотрев на самую высокую точку Исмаиллы, гору Бабадаг, Катя вспомнила давнее высказывание о том, что лучше гор могут быть только горы. Это было ни с чем не сравнимо. Погрузившись в мир яркой природы подножия южного склона Большого Кавказа, Катя даже практически позабыла об усталости, выгорании и поисках смысла жизни. Захотелось спать. Горло щипало всё сильнее, но Катя проваливалась в спокойствие, тихий и безмятежный сон.

Утром зазвонил будильник. Он всегда звонил в будни в шесть тридцать. Катя потянулась, попыталась проглотить слюну и поняла, что горло болит беспощадно, словно тысячи иголок впиваются в него. Встав с кровати, Катерина сделала ещё одно грустное открытие: у неё явно температура. Болела она редко и ненавидела это состояние за беспомощность, бездействие и следующую за ними потерянную. Найдя в аптечке жаропонижающее и таблетки от боли в горле, Катя написала сообщение на работу, что сегодня не придёт по состоянию здоровья. Вернувшись обратно в кровать, Катерина думала снова заснуть. Но не тут-то было. Вечерние разговоры с Викой прокручивались в голове. Под давлением температуры было очень жаль себя. Ворочаясь с боку на бок и понимая, что с каждым часом становится только хуже, Катя набрала знакомому терапевту. Кирилл Вячеславович жил по соседству и трудился в частной клинике. Они давно сдружились, и в трудные моменты недуга Катя просила его о помощи. Тот пообещал зайти часикам к четырём.

Ровно в назначенное время он позвонил в дверь. Катя попыталась привести себя в порядок, из последних сил приняла душ, переоделась.

– Лето, жара, а ты в таком состоянии? – Кирилл (а Катя могла позволить себе обращаться к нему без отчества, учитывая десять лет болезней и чаепитий) сочувственно посмотрел на неё.

– Да уж. Не позавидуешь. Я хотела поехать на работу, выпила...

– Давай без работы. Хотя бы пару дней, – врач остановил поток её хриплой речи, – тебе уже не шестнадцать. Прости. И беготня с температурой ничем хорошим не закончится.

Он посмотрел горло. Послушал.

– Лёгкие чисты. А ангина знатная. Придётся пить антибиотики. И, само собой, посидеть дома.

– Я с ума дома сойду, – возмутилась Катерина.

– Не сойдёшь. Не ты первая, не ты последняя. Отдохнёшь, кино посмотришь, книги прочитаешь.

– У меня работы выше крыши, – почти без звука сказала Катя.

– Слушай, не спорь. Когда ты в последний раз отдыхала? В отпуске была?

– Два года назад ездила с Рустамом на месяц в Италию.

– Хорошее дело. А два года, значит, по-стахановски трудилась, – резюмировал Кирилл.

– Именно, – больше не найдя что ответить, сказала Катя.

Кирилл был стильным аристократичным мужчиной сорока лет. Неженатым, потому что считал, что брак – дело непонятное, и все красоты жизни можно познать только в холостяцком состоянии. В их отношениях никогда не было романтического флёра. Кирилл Вячеславович был палочкой-выручалочкой, она набирала ему по телефону в критичных случаях. Он всегда был одет с иголки, чист, аккуратен. Его советам хотелось доверять. А главное, они действительно помогали.

– Так. Купить таблетки, прополоскать горло, – он протянул Кате листок с названием препарата, – и лежать. Я очень тебя прошу лежать. Вставать только в случае необходимости. И мой тебе совет: езжай в отпуск. Вид у тебя так себе. Кто тебе ещё по-честному скажет, кроме врача? – Кирилл подмигнул.

– Вика вчера сказала. Да я и сама вижу.

– Видишь, а действий никаких не прикладываешь для исправления, – погрозив Кате указательным пальцем, Кирилл собрал вещи и оставил её в грустном состоянии больного и одинокого человека, сказав на прощание: – В горы бы тебе. Туда, где народу поменьше. Пока.

Заказав по интернету таблетки, Катя снова выпила жаропонижающее. Телевизор смотреть абсолютно не хотелось. Читать было тяжело, глаза слезились. Горы? Обалдел Кирилл совсем. Нет бы – к морю. Понятно всё. А зачем ей горы? Катя открыла ноутбук. На мониторе высветились снова горные ландшафты. Катерина пролистала фото Исмаиллы. Какая же сила! Какая невероятная мощь! Она поняла, что именно силы, физической и душевной, ей сейчас не хватает. Чтобы изменить себя, поменять жизнь вокруг и внутри, нужно взять где-то энергию, решиться. Сила воли, сила духа, сила тела. Нет ничего. Она пуста.словно незаполненный сосуд. Каньоны, горные вершины. Живут же люди, которые видят это каждый день! Катя представила, как они выходят утром на крыльцо дома, любуются восходящим над горами солнцем. Наверное, они жарят себе яичницу, заваривают чай и завтракают, опять же, любуясь природой. Катя по-доброму позавидовала кавказским жителям.

«Вот поэтому они так долго и живут, – решила она. – Не то, что мы, московские жители, в выхлопных газах и компьютерах с утра до ночи. Сбежать бы от всех куда-нибудь в маленькую азербайджанскую деревеньку. Вдыхать горный воздух, есть свежий хлеб и экологически чистые продукты. Нет, глупости», – перебила она себя.

Скорее всего, она и трёх дней там не выдержит. Одиночество в городе чувствуется, только когда ты остаёшься дома наедине с собой. А там, видимо, за каждым завтраком и ужином с видом на горы она будет лить слёзы по ушедшей молодости и приближающейся старости.

Катя посмотрела на себя в зеркало. Несчастное существо с покрасневшими глазами, выступившими морщинками на лбу и абсолютно равнодушным взглядом смотрело на неё. Нет, так нельзя. Так нельзя относиться к себе. Права Виктория. Она не заслужила такого. Прав Кирилл, что здоровье дальше будет только ухудшаться. Если... Если она не научится радоваться жизни, её рассветам и закатам. В конце концов, если Бог создал каждой твари по паре, может, и её где-то бродит по свету. Или она умерла. Катерина снова вспомнила голубые глаза и берег Каспия. И взывала. Боль нарастала. Температура поднималась.

Позвонили в дверь. Привезли антибиотики. Выпив их вместе с двойной порцией жаропонижающих для эффективности, Катя набрала секретарю.

– Инна, расскажи мне о заявке по съёмкам в Азербайджане.

– Екатерина Николаевна, да, добрый день, прислали её ещё на прошлой неделе. Простите, забыла вам передать, – секретарь спешно произносила слова, проглатывая окончания.

– Не тараторь. Какие сроки по съёмкам? – уточнила Катя.

– По-моему, к концу октября надо подготовить. И как раз в новом сезоне программы «Незабываемое путешествие» протранслировать. Заказчик – туристическая компания. Их интересует также специальный проект. Они планируют активно развивать это направление.

– Организуй наших, пусть кто-то из координаторов проектов встретится с ними, уточнит нюансы. Посмотри для меня билет туда на следующую неделю, – произнесла Катя и удивилась самой себе.

– Вы хотите сами посмотреть места съёмок? Ничего себе! Вы же никогда не смотрите, и у вас на следующей неделе встречи. И вообще...

– Без «вообще», – Инну надо было остановить. – Значит, отмени встречи. Там приличный бюджет на продвижение, полечу сама. Пробуду там неделю. Может, придумаем реалити-шоу.

Никакое шоу, конечно, придумывать она не собиралась. Просто захотелось побывать там, где горы возвышаются над миром и готовы делиться своей силой и мощью с теми, кто их готов полюбить всем сердцем.

– Вам гостиницу арендовать? – спросила Инна.

– Лучше дом. Хочу посмотреть жизнь изнутри.

– Хорошо, поищу. Отпишусь попозже. Вы одна полетите? – уточнила секретарь.

– Конечно. Как обычно.

Катя не любила брать кого-то с собой в командировку. По её мнению, смотреть новые места лучше одной. Приятно пропускать через себя новую культуру, настроение и колорит в гордом одиночестве. Положив трубку, Катерина испытала нечто похожее на облегчение. Неделя отдыха. В горах. В красотах Азербайджана. Отчаянный поступок. Но предвкушение поездки даже прибавило сил. Катя сделала себе бутерброд, съела его со сладким чаем. Никогда не сдаваться. Столько лет она учила этому своих подчинённых. Но так часто забывала об этом сама. После сорока жизнь только начинается, как говорили в известном фильме, и ей очень хотелось в это верить. Катя посмотрела на фотографию сына, стоящую на полке. Рустам уже совсем взрослый. Он не нуждается в ней как раньше. Скоро у него будет своя семья. А когда-то он был чудесным мальчиком, ради которого она жила. В нём она каждый день видела любимого мужчину, подарившего ей это чудо. Как же они похожи! Их голубые глаза. Время. Несколько дней в Махачкале почти много лет назад поменяли десятилетия её жизни. Время. Прошли годы, чтобы увидеть и снова потерять отца своего ребенка. Спектакль, захват заложников, страх и знакомый взгляд одного из террористов. Он, конечно же, отпустил их. И оставил их навсегда. Она никогда не осуждала его. Никогда. Всё было так, как было. И Рустам знает только лучшее о своём отце. Даже если бы он был жив, вряд ли бы их судьбы объединились. Порой, к её собственному ужасу, она счастлива, что он «там», а она «здесь». Он не стал чьим-то мужем и навсегда остался её, только её любовью.

Самолёт сумасшедшей птицей рванул ввысь. Внизу оставалось всё: работа, заботы, одиночество, проблемы, залеченная простуда, провожавшая её Виктория. Она летела туда, где никогда не была. И эта мысль будоражила воображение. Её никто не ждал, кроме руководителей пары туристических объектов, с которыми предстояло встретиться для приличия и признания поездки командировкой. В самолёте мы полны идей и планов. Перемещения в пространстве – это всегда надежды, мечты, поиски. Кате казалось, что в последние годы она может мечтать только в самолёте. Это была зона свободного воображения. Катя смотрела в иллюминатор и думала о том, как реки проникают в моря, как повзрослеет Рустам, родятся внуки, она купит дом на берегу Средиземноморья, будет наслаждаться свежими фруктами и вином и слушать детский смех. Мысль о собственных маленьких детях казалась ей утопической. Возраст и отсутствие душевных сил встретить близкого человека наложили запреты на такие мысли.

Катя прилетела в Баку, в аэропорт имени Гейдара Алиева. Оттуда ей предстояло ехать почти три часа до деревни рядом с Исмаиллы, где Инна забронировала дом. Двести километров дороги. Её встретил серьёзный кавказский мужчина в костюме, державший в руках табличку с её фамилией. Чёрный немецкий автомобиль бизнес-класса ждал на парковке. Катя мысленно порадовалась подготовке Инны. Годы корпоративного воспитания дают о себе знать. Ещё три года назад так бы хорошо её не встретили. Тогда Инна только пришла к ней, тон-

кой, как ниточка, провинциальной девушкой, которой казалось, что продукт российского автопрома двадцатилетней выдержки – вполне пригодное транспортное средство. Сейчас же всё иначе. Новенький салон автомобиля пах кожей, за окном мелькали азербайджанские пейзажи. Чудесная погода, солнце. Как же прекрасно, что она вырвалась, убежала от привычного ритма.

– Включить музыку? – спросил водитель.

– Не очень громко. Будет здорово. Спасибо, – улыбнулась Катерина. Почему-то ей хотелось улыбаться. Широко. Искренне. По-настоящему. Улыбкой довольного человека, улыбкой гармонии, улыбкой детства.

Катя вздремнула. Когда открыла глаза, по словам водителя, оставалось ехать тридцать километров. Не зря Исмаиллы является курортной зоной. Могучие горы, лазурное небо, зелень особого яркого оттенка. Удивительно! Как же здесь удивительно!

– Вы знаете, Исмаиллы – это место, где рождаются легенды, – заинтриговал водитель.

– Почему? – спросила она.

– Потому что здесь много уникального. Леса, водопады, родники. Обязательно побывайте в городе Лагич. Это территория ремесленников, практически музей под открытым небом. Кстати, вы знаете, как родилось название «Исмаиллы»?

– К сожалению, нет. Расскажите, – доброжелательно попросила Катя.

– Говорят, жили влюблённые юноша и девушка. Однажды девушка стояла на дороге и ждала возлюбленного. Проходил мужчина и спросил, кого она ждёт. На что та ответила: «Жду Исми-Маили», – то есть «Жду такого-то по имени Маил». Вот с того самого дня и стали называть это место «Исми-Маили». Уже со временем название поменялось на «Исмаиллы».

– Да, как говорится, в каждой легенде есть доля легенды. История топонимов всегда любопытна. Что выращивают здесь?

– Много чего. Фасоль, например. Здесь это любимая культура, урожай которой собирают два раза в год – весной и осенью. Из неё тут готовят много разных блюд, сушат фасоль, маринуют. Если зайдёте в дом исмаиллинца, вас обязательно угостят лобья чыхыртмасы. Это жаркое из зелёной фасоли. Ещё могут подать к столу сулу пахла – фасолевый суп. Здесь даже плов делают с фасолью, – водитель, по всей видимости, хорошо знал эти места.

– Эта местность вам знакома? – уточнила Катя.

– Да, у меня жена отсюда. Поэтому традиции Исмаиллы я знаю неплохо. Здесь живут не только азербайджанцы, но и лезгины, русские, таты, а также хапыты – одна из народностей Кавказской Албании. Ещё есть лагичане. Формально они, конечно, таты, однако считают себя отдельной этнической группой, у них даже свой особый диалект. Город Лагич известен кузнецами, там, впрочем, и ковры ткут, и шьют национальную одежду. Походите по городу, получите огромное удовольствие. В Лагиче живёт старик-мастер – почти человек-легенда, – незрячий от рождения, он изготавливает прекрасного качества амуницию для лошадей – сбруи, стремяна, сёдла. Поговаривают, что один из символов самодержавия России – шапку Мономаха – тоже изготовили лагичане. Факт неофициальный. Но эту наследственную регалию подарил правитель Золотой Орды Узбек-хан Ивану Калите. Скорее всего, её точно изготавливал кто-то из восточных мастеров. Возможно, и житель Лагича.

– Вы просто энциклопедия, а не водитель, – пошутила Катерина.

– Меня предупредили, что приедет женщина-журналист. Дорога будет не быстрая. И я дополнительно подготовился. Сам-то я бакинец, – рассмеялся водитель.

– О Лагиче я мало слышала. Больше про Ивановку.

– Да, знаменитый колхоз. Его ещё в 1936 году создали. О натуральных ивановских продуктах – масле, сырах, сметане – говорить не стоит, спрос на них большой.

– Надо будет попробовать. Чувствую я, здесь вкусно кормят на каждом углу. Так можно и поправиться.

– Горный воздух. Всё переработать поможет. Не думайте об этом. Тут свобода. Самая настоящая. Поэтому и чудес много. Вот мы и приехали.

Катя посмотрела в окно и увидела дом. Ей представлялась маленькая избушка в горах. Но Инна посчитала иначе. Катерине некогда было смотреть варианты, и она попросила Инну выбрать на свой вкус. Дом был внешне отделан светлым камнем. Около дома высажены клумбы. Водитель помог донести чемоданы до крыльца. Катерина поблагодарила его за рассказы о местности и, как только он отъехал, достала ключ из-под коврика, как сказала Инна.

Вот куда ей одной такой большой дом? Вилла в двести квадратов. На первом этаже гостиная с камином и эркерным окном. Ванная и небольшая кухня были чистыми, с относительно новой мебелью и свежим ремонтом. Из окна кухни виднелся сад, от дома спускались ступеньки к беседке. Катя уже представила, как заварит чай и пойдёт туда размышлять о жизни. На втором этаже три спальни. Придётся ей, как Сталину на даче от врагов, переходить из одной спальни в другую; что ещё делать, надо осваивать территорию.

Дом был нейтральным, в нём отсутствовали детали, говорящие о прежних хозяевах и их пристрастиях. Катя открыла окно и вдохнула воздух. Как давно она не чувствовала такой воздух! Его хотелось не только вдыхать, мечталось его пить огромными жадными глотками.

Интересную аннотацию прислали Екатерине заказчики программы. Они уверяли, что за вкусным сыром, полями подсолнухов и чистотой озёр не обязательно ехать во Францию, достаточно побывать в Исмаиллы. С каждой минутой она всё больше убеждалась, что этот азербайджанский уголок ничем не уступает европейским премиум-курортам. Катерине было спокойно. Впервые за долгое время такое впечатление, что её ничего не тревожило. Тишина. Вокруг никаких резких звуков. Девственность и красота природы. Она поставила чайник. Порылась на полочках, нашла заварку. В окне растворялись закатные лучи. Как много пройдено! Четыре с лишним десятка лет, половина, а то и больше, жизни. Что она не успела? Ох, как много она не успела. Здесь, в горах, она чувствовала, что закат спускается над небом, принося рассвет в её жизнь. Она просто обязана тут отдохнуть, набраться сил и вернуться в Москву обновлённой. Помолодевшей, посвежевшей. Завтра же пойдёт гулять на целый день, чтобы ноги заболели, а голова освободилась от всего, что в ней накопилось.

Чистый воздух и могучая горная природа способны излечить любые душевные раны. Чем больше смотришь на горный ландшафт, тем лучше себя ощущаешь. Всё-таки здесь, в Исмаиллы, чувствуется русское, христианское. Дух молоканской общины, основавшей деревню Ивановка, навсегда изменил эту территорию. Отступников канонів православия Екатерина Великая выслала из Российской империи, и с тех пор Исмаиллинский район стал их родиной. Молокане прибыли сюда из центральных губерний России два века назад. Место поселения выбрали не случайно. В южном крае молокане долго переселялись с места на места, но плодородные равнины и чистейшие озёра Кавказа приютили их навсегда. Село стали называть Ивановкой с 1840 года, по имени основателя поселения Ивана Першего. Молокане – сторонники так называемого духовного христианства, отрицающего обряды и любые формы посредничества в диалоге человека и Бога. В селе нет церкви, но есть молельный дом. Молокане в Исмаиллы начинали всё с нуля. Трудолюбивый народ активно засеял плодородные земли. Катерина помолилась, заварила чай.

Осваиваясь на чужой кухне, ей было любопытно, что находится в шкафах и ящиках. Всё-таки ей временно хозяйничать в этом доме. В первых ящиках, открытых Катей, ничего интересного не нашлось. Соль, сахар, крупы. Но в угловом шкафу её ждал приятный сюрприз – бутылка вина. Катерина пристально вчиталась в этикетку. Оказывается, о чудо, вино сделали здесь, в Исмаиллы. Оставалось найти штопор. Но проблемы удалось избежать: тот лежал в выдвижном ящике со столовыми приборами. Вопрос: «Пить или не пить?», – даже не промелькнул в её голове. Конечно, да. Она это заслужила. Взяв из витринного шкафа бокал, Катерина откупорила бутылку.

Катерина не была великим знатоком вин. Но отличить качественный продукт вполне могла. Она прекрасно знала, что мерло вместе с сортами Каберне Совиньон и Каберне Фран составляет так называемый бордоский бленд, и это, пожалуй, одно из самых популярных красных вин.

Катя сделала глоток. Вкус был округлый, женственный, мягкий. Многие считают мерло слишком бесхарактерным. Но это не так. Просто у этого сорта, если можно так выразиться, все острые углы сглажены. Мерло может быть плохим: водянистым, забродившим бабушкиным вареньем позапрошлого урожая. Но это было абсолютно другое – насыщенное, но не резкое. Мерло поражало соблазнительным ароматом. Спелость и шелковистость его послевкусия восхитили Катю. Хотелось пить, не останавливаясь. Во вкусе чувствовались фруктовые нотки. Катерина провожала солнце и думала, как это здорово – спонтанно уехать. Решиться в один момент, купить билет и сдвинуть привычный ход событий. Она бы сейчас могла сидеть в душном кабинете, напрягаться по мелочам, решать бесконечный поток вопросов. А она смотрит на эту природу, пьёт удивительное вино и может позволить себе просто мечтать, думать о том, чему суждено и не суждено сбыться.

Чудесный дом. Ей виделось, как она живёт здесь с семьей. Утром они непременно завтракают за этим деревянным столом, мажут маслом свежий, ещё горячий хлеб, пьют кофе и чай с экологически чистым молоком. Да и сыр здесь тоже особенный. Точно, они едят хлеб с сыром, обсуждают планы на предстоящий день, смеются. Дети периодически что-то проливают, роняют, просыпают. И этот утренний хаос задаёт позитивный тон. Она попыталась представить мужчину, сидящего за этим столом. Какой он? Сколько ему лет? Чем он занимается? Катя напрягла фантазию до боли в висках. Но ничего не получалось. Образ был смутный и шёл только в комплекте со всем остальным антуражем. И сколько Катя ни старалась прорисовать героя, это не выходило. Надо! Надо заставить себя сформировать в сознании образ этого человека. Тогда, именно тогда он её найдёт.

За окном практически стемнело, Катя зажгла свет. От представления завтрака захотелось есть. Найдя пачку риса, Катерина отварила его, поела и почувствовала негу в теле. Надо лечь спать. Выспаться, а завтра решить вопрос с едой, при таком количестве вкусностей, какими богат этот край, ужинать так аскетично просто преступно.

Вино успокоило нервы и подарило умиротворение. Опустошив половину бутылки, Катя словила забытое состояние неспешной жизни. Как хочется жить в таком уголке, ходить утром за фермерскими продуктами, пить вечером прекрасное вино и вдыхать горный воздух, наполняя лёгкие опьяняющим чистотой кислородом.

***

Мерло (Merlot) – один из девяти международных сортов и второй по распространённости в мире красный винодельческий сорт винограда. Вино из него есть в каждой стране, заявляющей о своих амбициях в виноделии.

Мерло родом из Бордо. Его название переводится с окситанского (старого языка юга Франции) как «молодой чёрный дрозд» – может, из-за красивого иссиня-чёрного цвета лозы, а может – из-за любви этих птиц полакомиться ягодами.

Во Франции мерло входит в тройку красных сортов с самой большой площадью виноградников (соревнуясь с сортами гренаш и кариньян). А на своей родине в Бордо наряду с сортами Каберне Совиньон и Каберне Фран составляет так называемый «бордоский купаж» – классическую смесь из трёх сортов, наиболее распространённую при производстве «кларетов», красных сухих вин Бордо (и вин, которые повторяют стилистику классического Бордо: клареты Испании, Новой Зеландии, Германии). Термин «бордоский купаж» исключительно литературный и справочный, на этикетках он не встречается.

Исследования генетики мерло говорят о его близком родстве с сортами Каберне Фран и Каберне Совиньон. Карменер, исторически являющийся частью «расширенного состава» бордоского бленда, тоже является близким родственником мерло и долгое время принимался за него многими виноделами Чили.

Мерло испытал взлёт популярности в 1990-х, когда потребители вдруг открыли для себя возможность насладиться букетом, не уступающим каберне, в вине с гораздо меньшей танинностью и заметно более мягким вкусом.

Матраса

Всё не ладилось. С утра ничего не ладилось. Сначала он забыл паспорт в другом пиджаке, затем долго ждал такси. Потом это такси собрало все возможные пробки. У него и так болела голова уже неделю. Вчера он отпустил водителя, чтобы совсем переключиться от рабочих моментов. Но, видимо, зря. Петрович довёз бы быстрее. Нервы. Нет сил. Совсем нет сил. Он выбит из привычной жизненной системы. Кто бы мог подумать, что он может так потеряться... В свои пятьдесят он умел держать себя в руках. А сейчас, как брошенный щенок, он мечется на дороге жизни и никак не может определиться, как жить дальше, как выстроить то, что сломалось, заново. И с каждым днём кажется, что ничего уже и не склеишь.

– Я поживу года два в нашем доме в Сан-Ремо. Пока я не готова думать, как быть дальше. Пока я хочу свободы, – Лика уверенно складывала вещи в чемодан.

– Дети? – спросил он в ответ.

– Дети поедут со мной. Они знают язык. Разберёмся со школой на месте.

– Это несерьёзно, – попытался он возразить.

– Несерьёзно? Несерьёзно так жить.

– Как так?

– Не видя друг друга. Тебя вечно нет рядом. До меня долетают весточки о твоих похождениях. Звонки, фото, смс. Десять лет как долетают. И я больше не хочу это терпеть... – Лика закипала.

– Ты преувеличиваешь, – он хотел обнять её, но Лика оттолкнула его.

Она была так же красива, как и пятнадцать лет назад, когда они познакомились. Стройные длинные ноги, тонкая талия. Со спины можно было подумать, что Лика – подросток. Она умела держать себя в форме, и даже две беременности не испортили природных данных. Где надломилась та тонкая соломинка, связывающая их жизни?

– Лика, ты торопишься. Я любил, люблю и буду любить только тебя. Была пара историй за всё время. По глупости. Прости, – Юсиф пытался успокоить жену.

– Не хочу ничего слышать. Сколько раз я уже возвращалась? Сколько? – Лика вопросительно и пристально посмотрела ему в глаза.

– Много. Согласен. Но это потому, что мы не можем друг без друга.

– Можем. Я во всяком случае без тебя могу. Дом в Италии – имущество, совместно нажитое. И запретить мне там жить ты не можешь. А у меня вполне получится руководить дизайнерским бюро оттуда. Работа поставлена, – Лика говорила так, словно она многократно всё обдумывала, проигрывала, переосмысляла.

– У нас дети. Им будет трудно.

– Юсиф, пожалуйста, не спекулируй детьми. Не надо. Это пошло. Ты видишь их раз в неделю. И тебе всегда этого хватало...

– Я люблю тебя, – Юсиф попытался. Бог видит, он попытался что-то изменить. Но было бесполезно.

Лика была права. И она всё делала правильно. Красивые слова, признания, озвученные им – лишь способ не менять ничего, не ломать традиционный уклад. Юсиф очень боялся перемен, пересудов, объяснений друзьям, перешёптываний за спиной. А Лика поступает так, как надо и логично поступить. Брак давно уже не тот, что был даже пять лет назад. Они с Ликой больше соседи, нежели любовники. У каждого из них своя жизнь, интересы, беды и радости. И самое главное, они редко обсуждают их друг с другом.

Больно было всё заканчивать. Полтора десятка лет вместе – не один день. Милана и Анар – их дорогие дети, которые точно не виноваты в том, что родители перегорели, остыли и больше не нужны друг другу. Он помнит их рождение, первые шаги и слова. Помнит радость, первые

болезни детей и их с Ликой сплочённость. Он всё помнит. Но почему-то не может связать это со своим будущим. Он осознал это после слов Лики, что они смогут друг без друга. Да, надо пережить. Надо просто пережить.

Первые дни в пустой квартире дались с трудом. Сначала он ничего не менял. Работал, ужинал с друзьями. Но ночь... Противная ночь! Приход домой, где тебя никто не ждёт. Это оказалось мучительно. Лика забрала даже джека-рассела по кличке Боня. И дом вообще затих. Мёртвым обиженным молчанием. Эти стены не могли простить такого. Ни детского смеха, ни семейных ужинов, ни лая собаки, ни дружеских возгласов. Ни-че-го... Только тишина.

В одну из таких ночей... Точно, это была шестая ночь, после того как Лика с детьми покинула дом. Он пришёл в половине второго. Попытался заснуть, но никак не получалось. Он включил телевизор, не нашёл ничего толкового, выключил. Открыл в телефоне джазовую подборку. Достал из бара бутылку Матраса. Налил себе бокал, оставил включённым из света только торшер. И стал вспоминать. Вспоминать, как всё было раньше.

Анару было три, они ждали Милану. Лежали на диване, завернувшись в плед.

– Ты – моё счастье, – говорил он Лике.

– Как мы назовём дочь? – спросила она, поглаживая живот.

– Даже не знаю. Давай как-нибудь символично.

– Нет, ты не можешь просто назвать ребёнка... – смеясь, сказала Лика.

– Где мы познакомились?

– Ты не помнишь? – Лика удивлённо подняла брови.

– Помню. Просто хотел, чтобы ты ещё раз рассказала эту историю.

– О, да. Слушай. Я заходила в Музей Москвы. На мне было приталенное чёрное платье и красные лодочки. Ты проезжал мимо и не смог проигнорировать столь красивые туфли на столь длинных ногах... – Лика заразительно засмеялась.

– Да, имён в этой истории не проглядывается. Москвой же не назовём. О! Зато я помню наше первое романтическое путешествие. По Италии. Рим, Милан, Венеция. Как мы катались с поющим гондольером. И, кажется, я придумал имя дочери...

– И? – Лика была заинтригована.

– Милана. Как тебе? Милана Курбанова. Звучит же?

– Да, мне нравится, – Лика нежно поцеловала его в щёку.

Приятные воспоминания грели душу, вино согревало изнутри. Когда он первый раз изменил Лике? И зачем? Это была весна. Командировка в Стамбул. Яркая, эффектная переводчица Тина. Манящий Босфор, романтика. Они катались по городу, болтали, пили вино, гуляли. И завершили день в одном гостиничном номере. Жаркая ночь, новизна, гормоны, страсть. Когда он вернулся, Лика вела себя странно, словно что-то чувствовала. Она придиралась к мелочам, обижалась. А он не обращал внимания. Надо было тогда всё залечить, исправить, уделить Лике и детям больше внимания. Но Юсиф был весь в работе, в процессе достижения целей, в ореоле популярности и влияния. Некогда ему было думать о семье. Она казалась ему стабильной, непоколебимой и поэтому не требующей пристального внимания. А Лике и детям этого внимания как раз не хватало. Не хватало заботы, совместных выходных, поездок. Идиот. Какой же он был идиот!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.